

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО

УДК 739.2:904(=511.131)

Л. И. Липина

ОБРАЗЫ БРОНЗОВОЙ ПЛАСТИКИ ДРЕВНЕГО ПРИКАМЬЯ В ТВОРЧЕСТВЕ УДМУРТСКИХ ХУДОЖНИКОВ

Образы художественной культуры прикамских народов сформировались в глубокой древности. Наиболее ярко они зафиксированы в бронзолитейном промысле. Персонажи этого самобытного искусства до сих пор являются источником вдохновения для художников. В статье рассмотрено творчество современных удмуртских мастеров, гармонично воплощающих изобразительные традиции прошлого в своих произведениях. На примере образа медведя, древнейшего в искусстве Прикамья, продемонстрировано изменение семантики и способов использования изделий с его изображением на протяжении тысячелетий.

Ключевые слова: зооморфные персонажи, образ медведя, иконография, Прикамье, бронзовая пластика, ювелирное ремесло, техника горячей перегородчатой эмали, современное искусство, этнический стиль.

В археологической и искусствоведческой литературе существуют разные названия для обозначения искусства древнего населения бассейна р. Камы: мелкая пластика, культовое литьё, изделия пермского звериного стиля и др. Это разные характеристики одного и того же культурного явления. Но ни одна из них не охватывает его полноты. Термин «пластика», к примеру, указывая на пластические свойства металла, исключает дерево, кость и камень, хотя художественные образы на изделиях из этих материалов были те же, что в бронзе и меди. «Литьё» – обозначает технологию изготовления и, соответственно, выводит из круга изучения произведения, изготовленные другими способами, например, резьбой, чеканкой и др. Термин «культовое» акцентирует наше внимание на предметах только культового назначения. Под «пермским звериным стилем» большинством исследователей понимаются «шаманские изображения», «чудские образки», «языческие иконы» [Грибова 1975; Оборин, Чагин 1988; Доминяк 2010], то есть круг этих изделий так же ограничен своим назначением, куда, к примеру, костюмные украшения с теми же образами из-за своей утилитарности вроде бы не должны быть включены.

В данной статье, учитывая всю условность этих названий, используется термин – бронзовая пластика, так как именно в медном сплаве, то есть бронзе, наиболее полно сохранилось искусство древних пермян. Предметы из цветного металла менее всего подвержены пагубному воздействию времени. Благодаря консервирующим свойствам меди эти артефакты не разрушились и поэтому численно превосходят изделия из любого другого материала. Они являются на сегодняшний день наиболее полным источником для изучения древнего искусства Камского бассейна. Именно благодаря пластике металла стало возможным создать сложные формы и декоративные орнаменты, составляющие эти образы.

Художественное творчество населения, проживавшего в Камском бассейне, зафиксированное археологами, достаточно разнообразно: наскальные росписи, кремнёвые, деревянные, костяные, глиняные и металлические изделия. Образы художественной культуры уральских народов складывались ещё в каменном веке. Однако основные стилиобразующие элементы, мотивы и композиции определились, были закреплены и получили широкий резонанс лишь в сер. I тыс. н.э. [Липина 2007, 46]. Это время расцвета бронзолитейного ремесла, которое просуществовало в прикамском регионе почти до нач. II тыс. н.э. Постепенное исчезновение этого промысла у прикамских народов около X в. можно объяснить возросшими контактами местного населения с уже сформировавшимися классовыми обществами – Волжской Булгарией и Русским государством, массовым импортом болгарских металлических украшений и колонизацией русскими прикамских земель [Макаров 2001, 13–19, 36–37]. На поздних этапах в бронзовых изделиях Верхнего Прикамья чувствуется сильное влияние ювелирного искусства Волжской Болгарии [Оборин 1976, 31; Голдина 1985, 147–148].

На протяжении всего периода – возникновения, расцвета и затухания бронзолитейного промысла – происходили изменения в хозяйственной жизни и духовной культуре местного населения, что отражалось и в традициях изготовления, и в семантике изделий. Бронзовые предметы использовались в основном в костюмном комплексе, цельность которого утрачена; ныне вырванные из исторического и композиционного контекста, они (их семантика, способ ношения, изготовления и т.п.) остаются загадкой для исследователей.

Анализ изображений древнего искусства населения бассейна р. Кама позволяет выявить наиболее популярные образы прикамского бестиария – это медведь, лось, конь и птица. Они зафиксированы ещё в каменном веке. Причём иконография сюжетов с ними была практически неизменна. Интересно, что эти же композиции используются в работах современных художников. Примеры такого заимствования можно увидеть в творчестве удмуртских авторов: М. Гарипова, В. Михайлова, С. Орлова, К. Галиханова, Г. Кутлыбаева, З. Лебедевой, В. Степанова, Ю. Лобанова и др. Это – графические, живописные, скульптурные произведения, изделия декоративно-прикладного искусства, перфомансы. В работах художников финно-угорская древность переплетается с удмуртской культурой, и этническая составляющая является основной идеей произведений, сочетающих в себе прошлое, настоящее и будущее. Этнофутуризм считается одним из перспективных направлений в искусстве, так как в современном по-

ликультурном пространстве он «стал не только каналом этнокультурной самоидентификации финно-угорских народов, но и способом диалогического соотнесения древних и современных уровней их культуры» [Розенберг, Плеханова 2005]. В современном творчестве древняя обрядовая культура получает личностную интерпретацию. Хотя, как отмечают Н. А. Розенберг и Е. О. Плеханова, личностно-неповторимое в этнофутуристических произведениях всё же не столь значимо, как этнически-характерное [Розенберг, Плеханова 2005].

Наиболее гармоничное воплощение древних мотивов в современных изделиях представляют собой произведения декоративно-прикладного искусства творческой мастерской, получившей название «Ибыр-весь» («Обережные бусы»). Так как по материалу (цветной металл, преимущественно медь), назначению (элементы костюма), миниатюрным размерам, форме и содержанию они близки к своим древним прототипам. И если значимость художественного произведения определяется временем, то с этой точки зрения, используемые древние образы, мотивы, формы и сюжеты – идеальны. Они сохраняются в культуре Прикамья из поколения в поколение уже не одно тысячелетие. Кроме того, нужно учесть, что в отличие от современного искусства, где зритель должен быть подготовленным соучастником, понимание изделий ДПИ специальной подготовки не требует. В прикладных изделиях на первом месте стоит декоративная привлекательность. В них используются принципы гармонии форм, колорита, линий. Художники мастерской не только воссоздают аутентичные произведения, но и интерпретируют древние мотивы на современный лад в новой для Приуралья технике горячей перегородчатой эмали (рис. 2). Изделия, выполненные в этой технике характеризуются прочностью, долговечностью и красочностью. Эмаль добавила изделиям цвет, который оживил металлические изделия, придал им живописности [Степанов, Степанова, Плеханова 2012; Творческая мастерская этнических украшений «Ибыр-весь»].

Древние артефакты для мастеров не просто визуальный источник вдохновения, их работы демонстрируют глубокое понимание темы: соотношение персонажей и орнаментов, способы использования, технологию производства изделий и т.п. Мы видим искреннюю попытку сохранить, насколько это возможно в современном творчестве, смысл образной системы древнепермского искусства. В изучении артефактов большую роль сыграла совместная работа одного из организаторов творческой мастерской «Ибыр-весь», художника В. П. Степанова, с учёными-археологами: д.и.н., проф. М. Г. Ивановой и д.и.н., проф. Т. И. Останиной. Результатом сотрудничества стали убедительные исторические реконструкции костюмов и украшений для героев первого художественного фильма по мифам и легендам удмуртского народа «Тень Алангасара» (1994), реконструкции и современные реплики для экспозиции «Древняя и средневековая история края (VIII тыс. до н.э. – XV в. н.э.)» Национального музея УР им. К. Герда, созданной в 2005 г. под руководством Т. И. Останиной [Шутова 2017, 163]. Теоретическим итогом работы с прикамскими древностями стал раздел коллективной монографии «Кузубаевский клад ювелира VII в. как исторический источник» (Глава 3. Техника и технология ювелирного дела VII в.), где были кропотливо изучены и описаны основные техники обработки

цветного металла: подготовка сырья, анализ инструментария и рабочих заготовок, технология изготовления изделий в технике басмы, формовочных штампов, литья по выплавляемым моделям, позолоты и зерни, имитации эмали и др. В ходе исследования клада были сделаны интересные открытия, даны определения терминов, облегчающие понимание технологических процессов [Кузубаевский клад ювелира VII в. как исторический источник 2011, 65–84].

В связи с этим интересно проследить изменение образа одного из главных зооморфных персонажей в художественном творчестве населения Прикамья – медведя и изделий с его изображением. Образ этого зверя имеет местные корни, подтверждением чему является неолитическая наскальная живопись. С сер. I тыс до н.э. он встречается в косторезном искусстве и на металлических изделиях преимущественно на рукоятках ножей и поясной гарнитуре мужского костюма, что можно считать проявлением вождизма. Позднее, в V–VII вв. н.э. образ медведя присутствует на бронзовых пронизках, использовавшихся в составе головных и/или нагрудных украшений женского костюма. В V–XI вв. изделия с образом медведя достигают максимума разнообразия и многочисленности (рис. 1). Это бронзовые накладки, пронизки, подвески, застёжки, наконечники ремней, навершия кинжалов, ручки ритуальных чаш и ложечек, культовые предметы [Краснопёров, Липина 2006].

Что обозначали изображения медведя? С какой целью использовались эти изделия?

Разрыв между археологическими находками и этнографическими материалами составляет более тысячелетия, поэтому использовать этнографический материал в качестве ключа к пониманию символики бронзовых изделий не совсем корректно. Сравнение узоров на этнографическом костюме удмуртов, коми и обских угров выявляет некоторую связь с изображениями на археологических находках, но делать выводы об их семантической эквивалентности нет никаких оснований. В орнаментальных мотивах удмуртских вышивок изображение медведя вообще отсутствует [Виноградов 1994]. Необходимо учитывать, что культура – это постоянно меняющееся явление. Тем не менее, интерпретация археологических данных всегда сопряжена с привлечением этнографических аналогий. В качестве критериев для сравнения материалов этих двух наук были предложены следующие положения: 1) соответствие уровней социально-экономического развития; 2) сходные географические условия; 3) по возможности единый генезис [Массон 1974; Хлобыстина 1981].

Этнографические и археологические материалы, зафиксировавшие образ медведя, свидетельствуют о его полисемантности, сложном и неоднозначном отношении к нему населения Прикамья. Значение образа медведя не было неизменным. Первоначально зверь был объектом охоты, то есть существовала явная связь с промысловой магией. Проявление промыслового культа многие исследователи видят в некоторых чертах медвежьего праздника, прежде всего, в сохранении всего костяка медведя для того, чтобы зверь возродился вновь [Соколова 2002]. Медведь был предком-тотемом в системе тотемических верований. О тотемических корнях медвежьего культа свидетельствуют этнографические факты ряда сибирских и прибалтийско-финских народов. В прикамском крае

черты этих представлений отразились в преданиях о Кудым-Оше, связанных с обожествлением и утверждением как своего предка – родового тотема – медведя [Ожегова 1971]. Образ медведя соотносился с героями космогонических мифов. Его цикличное засыпание и пробуждение явилось основой «дионисийской» темы у многих народов, что и в охотничьей, и в земледельческой магиях суть плодородия и продолжения жизни. В раннем железном веке, во времена повышенной военизации быта, медведь, как крупный хищник, стал символом вождистской идеологии. Отношение к медведю как к сверхъестественному существу сыграло роль в шаманской интерпретации его образа. М. Ф. Косарев, обобщив сведения о роли медведя в ритуальной жизни сибирских народов, пришёл к выводу о его посланнической миссии. Способность медведя путешествовать по разным мирам Вселенной, по существу, является шаманской функцией. Даже ритуальное поедание медвежьей головы (церемония «сэвэн») являлось вхождением в состояние «сэвэн», производное от него «сэвэнчэ» переводится как «шаманить» [Косарев 2003, 55].

Поздняя форма почитания зверя – это проявление зоолатрического культа, то есть совокупность обрядов и верований, связанных с религиозным почитанием животных [Краснопёров, Липина 2006, 396].

Изучение изображений медведя в искусстве древнего Прикамья показало, что сюжет – «медведь в жертвенной позе» был единственным. Но иконография его имела две разновидности: 1) профильное изображение, лежащей на возвышении, шкуры жертвенного животного с головой и лапами (рис. 1 – 1), и 2) изображение той же жертвенной сцены анфас – голова, лежащая между лап (рис. 1 – 2–9, 11, 12), либо только изображение головы (рис. 1 – 10) [Липина 2007, 46–48].

В изделиях мастеров «Ибыр-весь» этот образ, сохраняя изобразительные традиции – иконографию и элементы декора – приобрёл цвет, в нём обобщены движение линий и форма, он адаптирован под современного зрителя и потребителя. Если говорить о семантике, то, естественно, все временные напластования, все значения, вложенные в художественный образ, не стираются со временем, они присутствуют в нём, но проявляются лишь те из них, которые могут быть поняты в определённой культуре. Изображение в древности определяло семантику и прагматику всего изделия, используемого, вероятнее всего, в обрядовых целях. Предположение ритуального функционирования зооморфных украшений объясняется специфическим характером всего древнего и средневекового искусства. Эти изделия не могли быть элементами повседневной одежды. Возможно, все они надевались в случаях обрядовых действий. Кроме того, бронзовый убор – это особая группа изделий, где апотропеическая (защитная) функция заключена в самом материале, из которого они изготовлены; следовательно, они были ещё и оберегами.

Произведения «Ибыр-весь» легко включаются в современную моду в качестве аксессуара костюма, гармоничного по форме, орнаменту, цвету и т.п. На первый взгляд, кажется, что глубоких, древних смыслов в них уже быть не может, и это, безусловно так, но по сути эти оригинальные авторские украшения являются источником многоплановой информации, смысловые составляющие которых выходят за рамки декоративно-эстетического содержания.

Рис. 1. Образ медведя в бронзолитейном искусстве Прикамья V–XI вв.:

1 – пронизка-медведь, зооморфная подвеска фибулы. Тарасовский могильник (Раскопки Р. Д. Голдиной); 2, 3, 4 – накладки. Загарский могильник, случайные находки. Пермский край, Лысьвенский район и из колл. М. Н. Зеликмана; 5, 6, 7 – Арочные шумящие подвески. Аверинский II могильник, находка; 8, 9 – подвески-ложки с головой медведя на рукояти. Аверинский II могильник (раскопки Е. М. Черных), Урьинский могильник; 10 – браслет. Агафоновский I могильник; 11, 12 – застёжки. Агафоновский II(?) могильник, Редикорский могильник (1, 8 – по: Голдина Р. Д. и др. Наследие народов Прикамья. Ижевск, 2007. Рис. 34, 113). Фото Т. Р. Сабиров и с сайта Пермский звериный стиль [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.perm-animal-style.ru/photo/bears/>

Рис. 2. Изделия мастерской «Ибыр-весь»
Фото: А. Горбунов, А. Вардугина / RESPUBLIKA №006. 2015 С. 84–97

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов С. Н. Развитие традиционных изобразительных мотивов удмуртов // Вестник Удмуртского университета. 1994. № 5. С. 32–44.

Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1985. 280 с.

Грибова Л. С. Пермский звериный стиль. Проблемы семантики. М.: Наука, 1975. 148 с.

Доминяк А. В. Свидетельства утраченных времен. Человек и мир в пермском зверином стиле. Пермь: Книжный мир, 2010. 152 с.

Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам. М.: Ладога-100, 2003. 325 с.

Краснопёров А. А., Липина Л. И. Изменение образа медведя в бронзовых украшениях прикамского костюма // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов. Ижевск, 2006. С. 394–402.

Кузубаевский клад ювелира VII в. как исторический источник / Останина Т. И. [и др.]. Ижевск: Удмуртия, 2011. 218 с.

Липина Л. И. Сюжеты с зооморфными образами на бронзовых украшениях прикамского костюма // Ювелирное искусство и материальная культура: Тезисы докладов участников шестнадцатого colloquium (15–20 октября 2007 г.). СПб., 2007. С. 46–49.

Макаров Л. Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск: Издат. дом «Удмуртский университет», 2001. 140 с.

Массон В. М. Вопросы социологической интерпретации древних жилищ и поселений // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. Л., 1974. С. 5–8.

Оборин В. А. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь: Пермское книж. изд-во, 1976. 190 с.

Оборин В. А., Чагин Г. Н. Искусство Прикамья. Чудские древности Рифея. Пермь: Пермское книж. изд-во, 1988. 183 с.

Ожегова М. Н. Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-богатыре. Пермь: Пермский гос. пединститут, 1971. 131 с.

Розенберг Н. А., Плеханова Е. О. Современные трансформации российской культуры. М.: Наука, 2005. URL: <http://www.gumilev-center.ru/na-poroqe-ehnicheskogo-genessansa/> (дата обращения 23.01.2018).

Соколова З. П. Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 41–62.

Степанов В. П., Степанова Н. С., Плеханова Е. О. Средневековые удмуртские мотивы в современных ювелирных украшениях (на примере этно-ювелирной мастерской «Ибыр-весь») // Искусство Евразии. Вчера, сегодня: Вып. 3: Сб. матер. конф. Ижевск, 2012. URL: <http://tehne.com/library/iskusstvo-evrazii-vchera-segodnya-vypusk-3-sbornik-materialov-konferencii-izhevsk-2012> (дата обращения 25.01.2018).

Творческая мастерская этнических украшений «Ибыр-весь» URL: http://finno-ugry.ru/educres/educenter_udsu/museum/painter_gallery/Ibyrves (дата обращения 25.01.2018).

Хлобыстина М. Д. К социальной интерпретации археологической культуры (по материалам погребальных комплексов) // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований Западной Сибири. Томск, 1981. С. 105–108.

Шутова Н. И. Слово о юбиларе Таисии Ивановне Останиной // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11. Вып. 3. С. 160–166.

Поступила в редакцию 21.02.2018

Липина Лариса Ивановна,

кандидат исторических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

426011, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1

e-mail: lipinali@gmail.com

L. I. Lipina

Zoomorphic characters of ancient Prikamye's art in creative work of Udmurt artists

The artistic culture images of the Kama region peoples were formed in ancient times. They have the most vivid expression in bronze plastic arts. Zoomorphic characters of ancient Prikamye's art is still a source of inspiration for artists. The article is devoted to creative work of Udmurt artists. Who put in place ancient traditions in modern arts and crafts harmoniously. The research contains investigation of change of a bear image in the art from ancient to our times.

Keywords: zoomorphic characters, bear icon, iconography, the Kama region, bronze plastic arts, jewellery, hot cloisonne enamel technique, contemporary art, ethnic style.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2018, vol. 12, issue 2, pp. 153–162. In Russian.

REFERENCES

Vinogradov S. N. Razvitie traditsionnykh izobrazitel'nykh motivov udmurtov [Development of Udmurt traditional figurative motifs]. *Vestnik udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University], 1994, no. 5, pp. 32–44. In Russian.

Goldina R. D. *Lomovatovskaya kul'tura v Verkhnem Prikam'e* [Lomovatov's culture in the Upper Kama region]. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta Publ., 1985. 280 p. In Russian.

Gribova L. S. *Permskii zverinyi stil'. Problemy semantiki* [Permian animal style. Problems of Semantics]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 148 p. In Russian.

Dominyak A. V. *Svidetel'stva utrachennykh vremen. Chelovek i mir v permskom zverinom stile* [Evidence of the lost times. Man and the world in the Perm animal style]. Perm, Knizhnyi mir Publ., 2010. 152 p. In Russian.

Kosarev M. F. *Osnovy yazycheskogo miroponimaniya: Po sibirskim arkheologo-etnograficheskim materialam* [Fundamentals of pagan worldview: the Siberian archaeological and ethnographic materials]. Moscow, Ladoga-100 Publ., 2003. 325 p. In Russian.

Krasnoperov A. A., Lipina L. I. *Izmenenie obraza medvedya v bronzovykh ukrasheni-yakh prikamskogo kostyuma* [Changing the bear image in bronze ornaments of the Prikamsky costume]. *Vzaimodeistvie narodov Evrazii v epokhu velikogo pereseleniya narodov* [Interaction of the peoples of Eurasia in the Age of the Great Migration of Peoples]. Izhevsk, 2006. Pp. 394–402. In Russian.

Kuzebaevskii klad yuvelira VII v. kak istoricheskii istochnik [The Kuzebaevsky treasure of the jeweler of VII century as a historical source]. T. I. Izhevsk, Udmurtiya, 2011. 218 p. In Russian.

Lipina L. I. *Syuzhety s zoomorfnyimi obrazami na bronzovykh ukrasheni-yakh prikamskogo kostyuma* [Zoomorphic images on the Prikamsky costume bronze ornaments]. *Yuvelirnoe iskusstvo i material'naya kul'tura* [Jewelry art and material culture]. St. Petersburg, 2007. Pp. 46–49. In Russian.

Makarov L. D. *Drevnerusskoe naselenie Prikam'ya v X–XV vv.* [The Old Russian population of the Prikamye in the 10th–15th centuries]. Izhevsk, Izdatel'skii dom «Udmurtskii universitet» Publ., 2001. 140 p. In Russian.

Masson V. M. *Voprosy sotsiologicheskoi interpretatsii drevnikh zhilishch i poselenii* [Questions of sociological interpretation of ancient dwellings and settlements]. *Rekonstruktsiya drevnikh obshchestvennykh otnoshenii po arkheologicheskim materialam zhilishch i poselenii* [Reconstruction of ancient social relations on archaeological materials of dwellings and settlements]. Leningrad, 1974. Pp. 5–8. In Russian.

Oborin V. A. *Drevnee iskusstvo narodov Prikam'ya. Permskii zverinyi stil'* [The ancient art of the peoples of the Kama. Permian animal style]. Perm, Permskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1976. 190 p. In Russian.

Oborin V. A., Chagin G. N. *Iskusstvo Prikam'ya. Chudskie drevnosti Rifeya* [The art of Prikamye. Chud ancient of Rifey]. Perm, Permskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1988. 183 p. In Russian.

Ozhegova M. N. *Komi-permyatskie predaniya o Kudym-Oshe i Pere-bogatyre* [Komi-Permian legends about Kudym-Osh and Pere-Bogatyre]. Perm, Permskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut Publ., 1971. 131 p. In Russian.

Rozenberg N. A., Plekhanova E. O. *Sovremennye transformatsii rossiiskoi kul'tury* [Modern transformations of Russian culture]. Moscow, Nauka Publ., 2005. URL: <http://www.gumilev-center.ru/na-poroge-ehnicheskogo-renessansa/> (data obrashcheniya 23.01.2018). In Russian.

Sokolova Z. P. *Kul't medvedya i medvezhii prazdnik v mirovozzrenii i kul'ture narodov Sibiri* [The bear cult and bear holiday in the world outlook and culture of the peoples of Siberia]. *EO* [Ethnographical review], 2002, no 1. Pp. 41–62. In Russian.

Stepanov V. P., Stepanova N. S., Plekhanova E. O. *Srednevekovye udmurtskie motivy v sovremennykh yuvelirnykh ukrasheni-yakh* (na primere etno-yuvelirnoi masterskoi

“Ibyr-ves”) [Medieval Udmurt motifs in modern jewelry (on the example of the ethno-jewelry workshop “Ibyr-ves”)]. *Iskusstvo Evrazii. Vchera, segodnya* [The art of Eurasia. Yesterday, Today]: Vyp. 3: Sbornik materialov konferentsii. Izhevsk, 2012. URL: <http://tehne.com/library/iskusstvo-evrazii-vchera-segodnya-vypusk-3-sbornik-materialov-konferencii-izhevsk-2012> (data obrashcheniya 25.01.2018). In Russian.

Tvorcheskaya masterskaya etnicheskikh ukrashenii “Ibyr-ves” [Creative workshop of ethnic ornaments “Ibyr-ves”] URL: http://finno-ugry.ru/educres/educenter_udsu/museum/painter_gallery/Ibyrves (data obrashcheniya 25.01.2018). In Russian.

Khlobystina M. D. K sotsial’noi interpretatsii arkhologicheskoi kul’tury (po materialam pogrebal’nykh kompleksov) [To the social interpretation of archaeological culture (on the funerary complexes)]. *Metodologicheskie aspekty arkhologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy Zapadnoi Sibiri* [Methodological aspects of archaeological and ethnographic studies of Western Siberia]. Tomsk, 1981. Pp. 105–108. In Russian.

Shutova N. I. Slovo o yubilyare Taisii Ivanovne Ostaninoy [The Lay of Taisia Ivanovna Ostanina, Anniversary Celebrant]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2017, vol. 11, issue 3, pp. 160–166. In Russian.

Received 21.02.2018

Lipina Larisa Ivanovna,

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,

Udmurt State University

1, ul. Universitskaya, Izhevsk, 426011, Russian Federation

e-mail: lipinali@gmail.com

УДК 791.229.4:39

Т. А. Титова, М. В. Вятчина

**«СОЦИАЛЬНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ФИЛЬМ»
В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОГО КИНОПРОИЗВОДСТВА:
АНАЛИЗ ФИЛЬМА «МАРИЙЦЫ» (1928 г.)**

В статье на примере фильма «Марийцы» показаны способы демонстрации преобразований, происходивших в советской деревне. Выделены основные характеристики кинопродукта в жанре «культурфильма». Проведенный анализ истории создания фильма и его более позднего озвучивания позволяет закрепить идею о разных смыслах, возникавших при просмотре в звуковом сопровождении и без него. Как часть происходивших преобразований отдельно рассматриваются гигиенический дискурс и сопутствующая ему пропаганда среди сельского населения. В фильме отчетливо выделяется идея смены трудовых режимов: тяжелый дореволюционный труд (сплав леса), показанный в первых кадрах фильма, замещается работой в артелях, ремесленных мастерских и кооперативах, на базе которых в 1920-е гг. должны были развиваться ремесла. Деревообработка, выделка леса и материальная культура марийцев – это те маркеры, которые при демонстрации фильма на больших экранах Советского государства призваны были маркировать названный регион. Комбинирование визуальных рядов и активный монтаж, которые подчас игнорировали этнографические детали, проводились в контексте активной комсомольской кампании. Это свидетельствует об использовании сельской культуры не только как объекта советских преобразований, но и как источника для создания пропагандистских материалов.

Ключевые слова: документальное кино, визуальная антропология, культурфильм, марийцы, советская культура, Советский Союз, революция, этнография.

В 2016 г., объявленного Годом российского кинематографа, в марийской печати большое внимание уделили картинам, отражающим историю Республики. Один из фильмов, запечатлевших жизнь Марий Эл в первые годы советской власти, – кинолента «Марийцы». В статье анализируется, как этот продукт советского кинопроизводства* отражал традиционную культуру и какими методами демонстрировались происходящие в советской действительности

* Под термином «кинопроизводство» понимается процесс создания кинофильмов (от первоначального замысла до непосредственного показа готового продукта аудитории).